

Эхо зловещей дискуссии «о резонансе» ...

Беседа с академиком И.И. Моисеевым о судьбе российской науки, о стыке философии и естественных наук, о смысле жизни

Академик Илья Иосифович Моисеев – химик с мировым именем, специалист в области металлокомплексного катализа, координационной химии переходных металлов, действительный член ряда зарубежных академий, лауреат Государственной премии РФ, премии им. А.П. Карпинского, премии Триумф, награжден орденами РФ и Золотым знаком РХО им. Д.И. Менделеева.

– Илья Иосифович, чтобы представить ученого читателям, надо сообщить, какой научной задачей он увлечен, как становился как исследователь. Расскажите!

– Я всегда был увлечен теоретической химией в ее приложении к практическим задачам, но говорить об этом – путь не продуктивный. Вряд ли читатель «Российской философской газеты» знает, что такое катализ, органический синтез, искусный ангидрид и тому подобное – все, что составляло часть моей жизни на протяжении десятилетий.

Органический синтез делится на две части: тонкий органический синтез – это лекарства, душистые вещества и так далее. И основной, тяжелый органический синтез – это лаки, краски, полимеры. Мои интересы лежат в этой области. По окончании вуза меня приняли в закрытый проектный институт, что я тогда рассматривал как трагедию, – ну как же, мне не разрешено было поступать в аспирантуру! Но это-то и оказалось для меня большим счастьем, которого я тогда не понимал, – на проектной работе я стал действительно инженером. Однако, как только у моего учителя появилась вакансия, тут же к нему вернулся, чтобы заниматься теоретической химией.

– Ваше отношение к философии, к философам?

– Может и существует положительный опыт взаимодействия философов, скажем, с историками, филологами – мне это неизвестно, но взаимодействие философов с естествоиспытателями, физиками, химиками, биологами – было лишь отрицательным. Вообще, востребованность философов должна определяться не только их обслуживанием властей и политики, философская мысль – шире. А то, что всю философию сводили к четвертой главе «Краткого курса ВКП (б)», к зазубриванию того, что «учение Маркса всеильно, потому что оно верно» – это было ужасно.

Философия стояла на службе у политиков, и участие философов в развитии естественных наук было вредным. Все помнят знаменитую сессию ВАСХНИЛ, где философы играли ведущую роль, и где генетики были подвергнуты остракизму, а вот, например, о дискуссии по теории резонанса знают меньше.

Справка. В 1950 году была проведена дискуссия о современных теориях органической химии – она прошла в ряде институтов АН СССР, а заключительная часть в Доме ученых – где подчеркивалось, что дискуссия «представляет интерес для Коммунистической партии» и имеет «прямую связь с дискуссией по биологии». Дискуссии предшествовал ряд публикаций в газете «Правда» и в журнале «Вопросы философии», где дословно писалось следующее: «Кризис буржуазной науки, связанный с общим кризисом капиталистической системы, сказался в теоретических представлениях в органической химии, развиваемых буржуазными учеными, что привело к появлению методологически порочных концепций...» и так далее. В результате дискуссии было принято обращение к Сталину: «Руководствуясь решениями ЦК ВКП (б) по идеологическим вопросам и Вашими, товарищ Сталин, указаниями, советские химики развернули борьбу против идеологических концепций буржуазной науки. Порочность т. н. «теории резонанса» ныне разоблачена, и остатки этой концепции будут выброшены из советской химической науки».

– Неужели нашли идеологические ошибки, и где... в химии?

– Да, их искали и нашли. Поясню, как именно. Вы помните формулу бензола? Это цикл: у каждого атома углерода в цикле имеется три соседа – два атома углерода и один атом водорода. А должно быть четыре, потому что углерод везде со своими соседями образует четыре связи. Значит – одна свободна. И вы можете соединить два атома углерода с левой стороны, а можете соединить два атома углерода так, что окажутся соединены двойными связями тот самый, нас интересующий, углерод и его правый сосед. Спрашивается: какая формула правильная? Да никакая, они обе правильные, и потому появилась «теория резонанса», утверждающая, что в действительности нельзя отвергать ни одну из этих структур, а истинная формула бензола – это суперпозиция двух предельных канонических структур (в действительности, там были еще структуры). В том, что реально существующее вещество объясняли с помощью вымышленных формул – поскольку на самом деле ни одна из этих формул в действительности не существует – вот тут-то и нашли идеализм. Именно за это и поплатились многие крупные отечественные теоретики.

За границей это вызвало недоумение. Один западный крупный химик-органик писал: допустим, о реально существующем человеке я говорю, что он немножко похож на Шерлока Холмса и чуть-чуть на Дон Кихота, то есть на литературных героев, которые не существовали в реальности, – я погрешил против истины? Думаю, после моих объяснений природа реально существующего мистера X стала чуть-чуть яснее, хотя избранные мною краски в действительности не существуют. Где же здесь идеализм, где отступление от истины?

Дискуссия стала избиением, хотя, слава Богу, никого не посадили. Ряд ученых были выключены из активной жизни, в частности, мой учитель академик Яков Кивович Сыркин был уволен из Физико-химического института им. Л.Я. Карпова, но не смещен с поста заведующего кафедрой физической химии Московского Института тонкой химической технологии, однако ему не давали ни аспирантов, ни сотрудников. Кстати, ректора настойчиво призывали снять с работы Сыркина, но ректор – Павел Игнатьевич Зубов – был мудрый и сильный человек, он когда-то работал в ЦК, хорошо знал эту «кухню» и говорил: дайте письменное предписание! Такого предписания не давали, и Сыркин остался на работе. Хотя многие химики оказались полностью лишены работы.

И против физиков готовилась аналогичная дискуссия: им инкриминировали использование непонятной простому человеку теории относительности Эйнштейна. Но, как утверждают, великий Курчатов сказал Берии, что на теории относительности базируется атомная бомба, и подобная дискуссия нанесет непоправимый ущерб атомной энергетике. Так от физиков отстали. Вот почему естествоиспытатели на долгие годы сохранили настороженное отношение к философам.

– А с современными философами вы контактируете?

– Нет. Кстати, в предперестроечные годы под эгидой райкома партии организовывались семинары, на которых люди обсуждали политические, геополитические проблемы современности. Конечно, эти семинары носили идеологический характер, но присутствовавшие получали уникальную возможность обмениваться мнениями, взглядами на общие вопросы, и важно было также то, что на этих семинарах нередко оказывались люди из мира философии, из мира истории. Мне кажется, к этому мы, сегодняшние российские ученые и философы, должны вернуться: организовывать подобные совместные семинары.

Мне думается, что главный редактор «Российской философской газеты», когда он говорит о конвергенции мышления естествоиспытателей и философов, то, в частности, имеет в виду и такое взаимодействие. Полной конвергенции не будет, потому что все пользуются примерно одним и тем же понятийным аппаратом, но объекты разные, и применить один и тот же аппарат к разным объектам – это важно. Пусть подобные обсуждения будут проводиться в Институте философии РАН, пусть выступают выдающиеся физики. Видение физиков – гораздо шире, чем у химиков, они могут сказать больше. Скажем, широкий взгляд присущ замечательному физическому, академику Виталию Лазаревичу Гинзбургу, ему бы только не стоило так активно и настойчиво пропагандировать атеизм. Впрочем, я его понимаю, раздражают «подсвечники» (**справка: «подсвечниками» в народе иронично называют представителей власти, стоящих во время службы со свечами, при том, что практически все они в недавнем прошлом состояли в КПСС – Ред.**), которые стоят по праздникам в церквях и которые не верят ни в Бога, ни в черта – что, кстати, лишь компрометирует церковь и церковное руководство.

– А ваши достижения как ученого разве не приводят к философским выводам, не ведут к пересмотру «картины мира»?

– Расширять горизонты представлений о мире – епархия философов, теоретических физиков, биологов, химиков же – люди простые. Даже в поступке великого Менделеева, когда он нашел свой периодический закон и подумал, что «держит Бога за бороду» и вот-вот найдет тот самый мировой эфир, в который погружено все пространство, который объяснит и гравитацию, и многие другие глобальные проблемы, – это была ошибка! Она стоила ему многих нервных сил, он даже был готов броситься с палубы корабля в море и покончить жизнь. Химики должны знать свое место, они занимаются конкретными делами. Да, некоторые химики, вероятно, могут раздвигать понимание мира, но я не из тех. Разве что про мою идею, что каталитические системы, катализаторы можно не искать, а конструировать – это было сделано впервые в мире – можно сказать, да, она чуть-чуть раздвинула горизонты мышления. Но не мира.

– Вы не философ, вы химик, но представления о смысле жизни у вас, безусловно, есть.

– Я продукт воспитания семьи, вуза, своего коллектива. И все это воспитание, которое я получил, было направлено на то, чтобы внушить мне: моя задача – это служение обществу...

– Очень «советская» фраза, извините...

– Она странной кажется в наш век меркантилизма? Вы знаете, у меня было несколько возможностей. Скажем, я был приглашен в Италию на полгода в хороший институт, там хотели, чтобы я решил одну задачу, я понимал, что за этот период ее не решишь, я им читал лекции, помогал в решении этой задачи... Но я там не остался. А мог! Ко мне хорошо относились, я мог придумать новую задачу, которая их бы заинтересовала. Был и четыре месяца в Германии на таких же условиях, тоже ко мне были бережные отношения: ничего не требуют, прочитай одну лекцию в неделю, далее – сиди в библиотеке, читай, пиши. Затем, примерно такие же условия, в Голландии. Я много раз мог обосноваться за границей, жить припеваючи, на хорошей зарплате, но я этого не сделал. В девяносто первом меня пригласили на очень престижную конференцию «top-level» с пленарным докладом. Ко мне приехали жена и дочь, были со мною в течение месяца. Мой друг, который не сомневался, что я не останусь за границей, что вернусь, сказал: береги валюту, в эту зиму сумеют выжить те, у кого есть свободно конвертируемая валюта. Хорошее предупреждение: я сразу наложил секвестр на валюту, что там получал: все, девушки, сказал я, никаких трат, в этом наше спасение на предстоящую зиму. Возвратились в Москву, реальность была такова: надо встать в пять утра, занять очередь в молочный магазин, попасть туда одному из первых, чтобы купить столько молока, сколько выдавали в одни руки. Это молоко потом морозили на балконе и делили порциями на всю неделю. Выходит, под моими «советскими», как вы правильно сказали, словами лежит нечто большее: я понимал, что должен вернуться сюда – меня так воспитали. Служить тому обществу, где родился – в этом видел, наверное, смысл жизни. Понимаю, что, вроде, звучит пафосно, но это решает именно сердце.

– Много говорится о сегодняшнем и завтрашнем положении российской науки. А ваша точка зрения?

– Как вы думаете – чем сильна Америка? Своей промышленностью? Нет, на территории США промышленности осталось не так уж много, США заблаговременно перебазировали свою промышленность в Европу, в страны Азии и так далее. Нет, не этим сильна Америка. Она сильна своими инвестициями в науку! И сейчас, в рамках антикризисной программы правительства США, произошел очередной вброс – 1,6 миллиарда долларов, как мне говорили, внесено на поддержку университетов и науки. А это означает, что когда вследствие кризиса в Европе и в России многие молодые научные работники не смогут найти своего места в науке, они опять поедут в Америку, и Америка вновь соберет очередные «сливки науки» из Европы, России, Китая, Японии – вот чем она сильна!

А что в России? Дело даже не в том, что Минобрнауки РФ предпочитает не замечать Российскую Академию наук, это печально, но не это главное. Главное, следствие этого пренебрежения – положение ученого не престижно! Академику грех жаловаться – ему платят достаточно, но мало платят профессорам, доцентам – они плохо одеты, на них смотрят студенты и говорят – нет, мне такое будущее не нужно! **(Справка: по только что проведенным социологическим исследованиям, заниматься наукой желают 68% первокурсников российских вузов, но к последнему курсу таких остается только 2% – Ред.)**. И никакие гранты Президента страны положение не спасут! Гранты Президента, адресованные молодому человеку, – это не более чем пиар-кампания. Молодой человек получил грант и понял: придет время, когда он уже не будет молодым, и больше не будет получать этих грантов. И он при первой же возможности «слиняет» в другое место: не обязательно за границу, есть внутренняя миграция – он может пойти на фирму.

Во времена моей молодости положение было иным. В проектном институте, куда я попал по распределению, мне платили, по так называемой аккордной системе, по тем временам очень хорошие деньги: на один аккорд мы купили пианино для дочери, на другой – всю меблировку комнаты (моя жена получила комнату от завода, где работала). И, тем не менее, при первой же возможности, я ушел к моему учителю на гораздо менее оплачиваемую работу. Почему? Потому что с детства знал: быть ученым – престижно. Сегодня такая позиция в обществе утрачена, и это – беда! Пока положение не изменится, наша наука будет отставать. Политологи предрекают: может быть вообще утрачена российская цивилизация – знаете, я к этим словам отношусь очень серьезно! Наука – часть культуры, к ней, как, впрочем, и к культуре в целом, – отношении плевое. И если так продолжится, – действительно, будет утрачена российская цивилизация.

– У публикаций «РФГ» есть сквозная тема: она связана с эволюцией мышления в сторону сближения научного и художественного мышления, с меритократией – установлением власти мудрых, нравственных, справедливых...

– Не думаю, что сближение естественнонаучного и гуманитарного мышления происходит, не думаю, что, скажем, способы анализа в гуманитарной области когда-либо сильно отличались от того, чем пользуются в области естественных наук. Дело не в сближении, а в проявлении, в усилении интереса двух областей знания друг к другу, к достижениям друг друга. Вот это – верно. Считаю, родители химика Александра Генриховича Толстикова (интервью с чл.-корр. А.Г. Толстиком см. в «РФГ» №11, 2008 – Ред.) чуть-чуть ему навредили,

что сделали его ученым, а не художником, куда его по-прежнему тянет. У него есть одна задумка (не знаю, вправе ли говорить об этом) – он мечтает стать как бы культурным атташе при Президиуме Академии наук. Он хорошо знает мир искусства, организует выставки. И, к слову сказать, это его стремление – как раз материализация связей естественнонаучного и гуманитарного мышления, отражение того, что такой человек нужен. И если бы Президиум Академии наук осознал это, сделал бы хорошее дело.

Теперь о меритократии, о «власти достойных», в переводе с латыни. Я обеими руками «за», чтобы чиновник путем экзаменов, а еще лучше практической деятельностью на предыдущих постах доказывал свое право занимать высший пост. Меритократия – интересная идея, но, думаю, она не осуществима в нашей стране, и не мечтайте. У нас будет своя «кратия», точнее – уже есть.

– Илья Иосифович, месяц назад вы отпраздновали юбилей, вам исполнилось восемьдесят, «РФГ» присоединяется к поздравлениям и желает вам здоровья и дальнейших творческих успехов в науке!

Апрель 2009

Беседовал **Сергей Шаракшанэ**

E-mail: sash_50@mail.ru

Сайт: <http://sergey-sharakshane.narod.ru>